

Глава I

Людовик XI. Первые годы царствования

I. Смерть Карла VII и вступление Людовика XI на престол. — II. Людовик XI и его окружение. — III. Первые акты Людовика XI (1461–1465)

I. Смерть Карла VII и вступление Людовика XI на престол¹

Людовик в Женаппе

Кончина Карла VII была мучительной. Дофин, обосновавшись в Женаппе, по-прежнему занимал двусмысленную позицию наследника, которому не терпится получить наследство и который во всем противоречит отцовской воле. В Италии он объявил себя сторонником Фердинанда Арагонского в борьбе против Анжуйского дома и сторонником Сфорца в борьбе против

¹ Помимо рассказа Мишле (в его «Истории Франции», книги XIII–XVII, — изложения примечательного, но устаревшего и во многом неточного), хорошей истории Людовика XI у нас нет. Работы Пьера Матьё (*Matthieu P. Histoire de Louis XI, roy de France. Paris: Méttayer & Guillemo, 1610*), Дюкло (*Duclos Ch. Histoire de Louis XI. La Haye: J. Neaulme, 1745–1746. 3 vol.*), Ю. Леже (*Legeay U. Histoire de Louis XI, son siècle... Paris: Didot, 1874. 2 vol.*) мало заслуживают доверия. Первые три тома собрания рукописей о Людовике XI, выполненного бенедиктинцем Леграном (*Bibliothèque Nationale. Fonds Français. N° 6960–6990*), образуют посредственно составленную историю царствования, которая часто используется некритично.

Орлеанского дома; его радовало, что войска Карла VII во второй раз изгнаны из Генуи. В Испании дофин заключил союз с доном Карлосом, потому что Карл VII поддерживал Хуана II. В отношении Англии он высказывался в пользу дома Йорков, потому что Карл VII благоволил к партии Генриха Ланкастера и Маргариты Анжуйской. Людовик ликовал, узнав о падении Генриха VI и вступлении 4 марта 1461 г. на престол Эдуарда Йорка, и вместе с герцогом Бургундским добивался от нового короля вторжения во Францию. Он поддерживал тайные связи с «некоторыми сеньорами и князьями» империи и сумел добиться, чтобы те же агенты, которых отправлял в Германию Карл VII, посылали тайные отчеты ему. В то же время он в качестве наследника престола писал послания советникам Парижского парламента и Счетной палаты и бюргерам добрых городов² Франции, приводя жителей в полное изумление и растерянность; в качестве дофина он претендовал на право давать указания парламенту Гренобля. Был ли он причастен к нескончаемым придворным интригам и заговорам, омрачавшим последние годы царствования его отца? Доказательств этого нет. Во всяком случае, бесспорно, что ему удалось найти общий язык кое с кем из окружения Карла VII.

² Добрые города — в средневековой Франции города, имевшие особые отношения с королем: он жаловал им привилегии и покровительство, они были обязаны при надобности предоставлять ему военные контингенты. — *Прим. пер.*

Кончина Карла VII

Другие советники, хранившие верность королю, с тревогой думали о судьбе, которая их ждет, и некоторые втихомолку поговаривали, что в интересах короны следовало бы лишить Людовика наследства в пользу Карла — его младшего брата. Карл VII не прислушивался к этим намекам. Он надеялся преодолеть упорство дофина. Но тот желал вернуться во Францию лишь королем. Он знал, что отец не доживет до старости. В 1457 г. у последнего «обнаружили незаживающую язву на ноге, постоянно мокшую и непрестанно гноившуюся». Дофин, который, по словам Шателена, «изнывал в ожидании вожделенного часа», содержал шпионов, осведомлявших его о развитии болезни, а хорошо оплачиваемые астрологи заверяли его, что королю «не выжить». К июлю 1461 г. у Карла VII появились флегмона во рту и, вероятно, также размягчение мозга. Он умер 22 июля в убеждении, что его отравил сын. Лейб-медик Адам Фюме, арестованный и посаженный в тюрьму во время болезни короля, в царствование Людовика XI сделает блестящую карьеру; из этого следует лишь заключить, что он был одним из информаторов дофина. Подозрения, какие внушает поведение Адама Фюме, несомненно, лишены всякого основания: людям того времени отравления чудились повсюду. Это был не единственный раз, когда цинизм Людовика XI, его привычка шпионить за всеми, его нетерпеливое ожидание смерти тех, кто ему мешал, давали поводы для клеветы.

Людовик XI в Авене

17 июля советники, находившиеся при дворе, предупредили дофина, что король в отчаянном положении. Людовик немедленно покинул Женапп, остановился близ границы, в Авене, и приказал своим «верным» быть готовыми соединиться с ним в Шампани. Он не знал, как его встретят во Франции. Филипп Добрый, больше всего желавший покровительствовать ему, собрал для его сопровождения «грозное и на удивление огромное войско». Но как только Карл VII умер, Людовик XI обнаружил, что в Авен спешат герцог Бурбон, многочисленные сеньоры и прелаты, делегаты Парижского парламента и университета и множество капитанов и владельцев должностей — целое шествие, участники которого ехали верхом, в повозках, на носилках, чтобы изъявить ему покорность. Успокоившись, Людовик XI попросил Филиппа Доброго привести всего четыре тысячи всадников. Он выехал в Реймс в первые дни августа, «горя и пылая желанием поскорей умчаться».

Посвящение в королевский сан

Коронационные празднества были великолепны. Расточительный Филипп Добрый взял все расходы на себя — это был как бы апофеоз герцога Бургундского. 13 августа, когда Людовик XI находился в окрестностях Реймса, в аббатстве Сен-Тьерри, герцог вступил в город, где посвящали королей; по приказу Людовика, державшегося

крайне скромно по отношению к своему «доброму дядюшке», архиепископ и городские магистраты преподнесли Филиппу Доброму ключи от города. Он привез с собой сто сорок повозок, наполненных золотой монетой, драгоценной посудой и бургундскими винами, и привел стада быков и баранов, предназначенные для пиров, «ибо у короля для этого праздничного торжества не было ни наряда, ни посуды, ничего помимо того, что вручил и предоставил ему дядя, герцог Бургундский». На следующий день Филипп послал за королем; на бургундских сеньорах были костюмы из золотой и серебряной парчи, седла их были окованы золотом, а в качестве поводыев у них были золотые цепочки. 15 августа Людовика посвятили в королевский сан. Филипп Добрый как старейший из пэров Франции взял на себя руководство церемонией и возложил корону на голову нового короля.

Людовик XI и Филипп Добрый в Париже

В Париж, как и в Реймс, Людовик XI позволил герцогу приехать на несколько дней раньше, чем приехал сам. Филипп Добрый выехал оттуда, чтобы вернуться уже с королем, 31 августа. «Великий герцог Запада», который, говорили, носит костюм стоимостью в четыреста тысяч экю, и роскошные господа из его свиты поглощали все внимание публики. В квартале Крытого рынка корпорация мясников, некогда известная бурги-ньонским рвением, не могла сдержать восторгов:

«О подлинный и благородный герцог Бургундии, — воскликнул один из них, — добро пожаловать в город Париж; как давно вас здесь не было, а вас так ждали». Полтора месяца Филипп не жалел для парижан средств на праздники, турниры и подарки. Горожане шествовали по его особняку, разинув рты, восхищаясь «большим залом, целиком увешанным гобеленами с высокой основой, вышитыми золотыми нитями и посвященными мистерии о Гедеоне», или гигантским расшитым шатром черного бархата, который был привезен в багаже герцога и включал в себя покой, гардероб, молельню и капеллу.

Разочарование бургундцев

Герцогский историограф Жорж Шателен превознес эти дни в «Мистической аллегории» о пастухах, идущих в Вифлеем: Мария, — пишет он, — это Французский дом, Вифлеем — Париж, Иосиф — «герцог Бургундский, хранитель дитяти, как смиренный слуга его достоинства верно прислуживавший ему и поселивший его в глубинах своего сердца». Но «дитя» родилось неблагодарным: бургундцы скоро испытали разочарование. «Этот король Людовик, выскакивающий из ничтожества в полноту желаний, не заметив границы между этими состояниями», сразу же показал, что хочет быть хозяином в своем доме, и очень учтиво отказался назначать на должности кандидатов, которым покровительствовал добрый герцог. «Монсеньор, — спросили Филиппа, — как вам Париж? Как вам здесь нравится?» — «Не

знаю, — сказал герцог. — Мне здесь так нравится, что я предпочел бы его покинуть». И 30 сентября он уехал. Еще 24-го Людовик, которому не терпелось начать царствовать, выехал в Турень.

II. Людовик XI и его окружение

Людовик XI. Его внешний вид

К моменту вступления на престол Людовику XI было тридцать восемь лет. Сын тщедушного Карла VII, внук безумного Карла VI, правнук вялого и болезненного Карла V, новый король выглядел невзрачным и хилым. Его лицо со сверкающими глазами, пронизывавшими собеседника сверлящим взглядом, уродовал горбатый и слишком длинный нос. Его ноги были тонкими и искривленными, вел он себя скованно. Одевался король очень просто, а на голове носил дрянную паломническую шляпу, украшенную только свинцовым образком. Когда он вступал в Абвиль в обществе роскошного Филиппа Доброго, «все простые люди, никогда не видевшие короля, — рассказывает Шателен, — изумлялись его облику и говорили вслух: „Господи! И это король Франции, величайший король в мире? Его лошадь и вся одежда не стоят и двадцати франков“».

Его резиденции

В частной жизни Людовик XI искал только удобства: он не захотел жить в Лувре и велел оборудовать для себя в Париже особняк Турнель. Но жить предпочитал в Турени — в Амбуазе или

в укрепленном замке, впрочем, обширном и внешне привлекательном, который построил близ Тура, в Плесси. Он очень постарался сделать Плесси-ле-Тур резиденцией надежной, достойной и приятной.

Его поездки

Впрочем, Людовик XI нигде не задерживался надолго. Врач и астролог Шуане, сочинивший по его заказу трактат «Розарий войн», писал: «Государь должен печься о состоянии своего народа и столь же часто посещать его, как добрый садовник — свой сад». Это был один из жизненных принципов Людовика XI, желавшего «знать обо всем и обо всех». Его письма, его счета, хроники, депеши итальянских послов создают впечатление, что он постоянно находился в пути. Он выезжал на восходе солнца с пятью-шестью приближенными, причем «на нем и на его спутниках была одежда из толстого серого сукна, грубая, как у паломников»; лучники и багаж следовали поодаль. Людовик сидел на «добром муле, шедшем очень мягкой походкой», либо ехал на лодке. Он запрещал за собой следовать и часто велел запираить ворота города, который он покинул, или ломать за собой мост. Послы, получившие приказ увидеться с ним во что бы то ни стало, иногда были вынуждены несколько раз пересечь Францию, прежде чем добиться встречи, если только в разговоре не был заинтересован сам король. Бывало, что Людовик давал им аудиенцию «в крестьянской хибарке, очень убогой». В городах, через которые проезжал, он селился у бюргера или у чиновника. Чтобы избежать торжественных речей

и приемов, король появлялся неожиданно, пройдя каким-нибудь закоулком. Если ему надо было вытерпеть торжественный «въезд», он просил, чтобы хотя бы «ему не устраивали слишком шумного приема». Город Тур долго готовился, чтобы отпраздновать его первый визит, и художнику Фуке было поручено составить смету расходов; но когда балы Турени осведомился у короля, «угодны ли тому будут» представления мистерий, Людовик XI ответил, что «нет и что никакого удовольствия ему это не доставит»³.

Его развлечения

Никогда монарх не выражал такой антипатии к церемониям, балам, пирам и турнирам. При его дворе молодые люди и дамы смертельно скучали. Он заказывал празднества, только если хотел устроить пышный прием какому-то князю или посольству. Его развлечения были развлечениями мелкого дворянчика. Людовик XI охотно обедал не дома: посол Каньола с некоторым удивлением рассказывает, что видел, как король в Туре после мессы ел в таверне на Рыночной площади, под вывеской святого Мартина. Он

³ О «въездах» Людовика XI в провинциальные города см.: *Marchegay P. Dépenses faites pour l'entrée solennelle de Louis XI à Angers // Bulletin de la Société industrielle d'Angers et du département de Maine et Loire. 1858 (XXIX). P. 73–81; Dorange A. Entrée de Louis XI à Tours, en 1461 // Bulletin de la Société archéologique de Touraine. 1880–1882 (V). P. 191–192; Bénét A. Louis XI à Évreux // Bulletin de la Société de l'histoire de Normandie. 1893–1895 (VII). P. 168–170.*

напрашивался, и очень часто, на обед к друзьям, почти всегда мелким дворянам или бюргерам, таким как его хлебодар Дени Эсселен, сборщик налогов Жан Арнульфен, советники Гильом де Корби и Этьен Шевалье или Жан Люилье, клирик из города Парижа. Там, в веселом обществе, сидя среди хорошеньких горожанок, он вволю пил и отпускал сальные шутки, потому что любил скабрёзность, и по его письмам видно, насколько вольно он выражался. Монарх говорил с женщинами и говорил о них без стеснения, не щадя ни сестры, ни матери, ни королевы.

Охота, собаки и птицы

Людовик XI, которого очень неправомерно изображают скупцом, питал разорительную страсть к охоте и животным. Он тратил огромные деньги на то, чтобы в его лесах водилась дичь и чтобы его псарни и вольеры не пустели. Дарить французскому королю редкую собаку или ловчую птицу было дипломатическим ходом, и повсюду, где он останавливался, хозяевам приходилось «терпеть обилие собак, лежащих повсюду, и птиц, гадающих на постели и на приличное домашнее хозяйство добрых людей, и никто не смел молвить ни слова».

Политическая активность Людовика XI

«Я уверен в том, — пишет Коммин, — ...что если пересчитать все счастливые дни его жизни, когда он получал больше радостей и удовольствий, нежели забот и трудов, то их окажется очень

мало; думаю, что на двадцать дней, полных забот и трудов, придется только один день спокойный и счастливый»⁴. Людовик XI в самом деле был королем, страстно любившим свое ремесло, на удивление деятельным и методичным тружеником. Большую часть жизни он тратил на то, чтобы приобретать сведения, собственными глазами видеть вещи и людей, а также чтобы изобретать политические комбинации, отдавать приказы и диктовать письма. У него была шпионская служба, были досье, где он хранил все секретные бумаги, найденные или украденные его шпионами; именно его желание быстро узнавать все породило знаменитый ордонанс 1464 г., создавший службу королевской почты. Он признавался, что любопытен, как женщина: «Брат мой, — писал он Оливье де Коэтиви, — у меня женская природа: когда мне о чем-либо говорят обиняками, я сразу же хочу узнать, о чем речь». Коммин, в свою очередь, пишет: «Никто, кроме него, не изъявлял желания знать стольких людей, и не прислушивался к людям столь внимательно, и не осведомлялся о столь многих вещах»⁵. Кстати, «память его была столь велика, что он помнил все»⁶. Осведомленный таким образом, он полагал, что может руководить в своем королевстве всем, вмешиваться во все, даже в «мелочи», и «подтачивать могущество» соседей.

Людовик XI обладал безмерным честолюбием, а его воображение, неустанно работавшее, порой

⁴ Филипп де Коммин. Мемуары... С. 260.

⁵ Там же. С. 35.

⁶ Там же. С. 259.

помрачало его «природный ум», который тоже не всегда был настолько «совершенным», как уверяет Коммин⁷. Его политика, изобиловавшая комбинациями, часто именно из-за этого оказывалась замысловатой и путаной. Само его хитроумие иногда побуждало его колебаться, «действовать осторожно»⁸ или проявлять непостоянство. Зато никто лучше него не умел «выпутаться из беды в тяжелое время»⁹. Если он ошибался, он быстро это осознавал и обладал искусством «отступать, чтобы прыгнуть дальше». Король никогда не упорствовал из гордости: он говорил, что, «когда шествует гордыня, следом за ней идут бесчестье и убыток. Сам же он этим пороком запятнан не был»¹⁰.

Дипломатия Людовика XI

Людовику XI нравились интриги и «сделки» [praticques]. Он великолепно умел запутывать противников, создавать им тысячу препятствий, а потом смягчать их озлобление, добиваться от них в нужный момент перемирия или продолжительного мира. Этот король, находивший возможности избегать всякой серьезной войны с англичанами, примирять Маргариту Анжуйскую с Уориком и швейцарцев с Сигизмундом Австрийским, был поистине ловкачом. Он обладал даром обаять собеседников, зная об этом, и старался по

⁷ Там же. С. 64.

⁸ Там же. С. 72.

⁹ Там же. С. 34.

¹⁰ Там же. С. 60.

возможности вести переговоры лично. Монарх внушал людям расположение приветливыми речами, чрезвычайно сердечными, непринужденными, буржуазными манерами. Это была сирена, как написал бургундский хронист Молине. Тома Базен обвинял короля в том, что тот брал за образцы Франческо Сфорца и неаполитанского короля Фердинанда; миланский посол Малета писал: «Кажется, что он всегда жил в Италии и там был воспитан». Он действительно обладал гибкостью итальянских дипломатов, их склонностью к плутовству и изощренным уловкам. Как и они, он очень умело давал взятки. Никогда не видавали монарха, столь упорно старавшегося «привлечь на свою сторону полезных или опасных для себя людей. Он не унывал, если с первого раза получал отказ от того или иного человека, и продолжал свои усилия, не жалея обещаний и даров в виде денег или тех должностей, которые, как он знал, того прельщали»¹¹. Король полагал, что купить можно любого, будь то хоть герцог Бретонский или герцог Бургундский.

Людовик XI и война

Дипломатия была излюбленным оружием Людовика XI. Войну он не любил. Не то чтобы ему внушало ужас пролитие крови или он был трусом¹². Но его неизменно страшила мысль, что,

¹¹ Там же. С. 34–35.

¹² К уже известным документам, говорящим о жестокости этого короля, о. Денифль добавил просьбу об отпущении грехов, которую Людовик, в то время

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru